

Грязные дела я сделаю задаром.

АС/DC

О, до меня слух дошел...

Норман Уитфилд

*Tout s'en va, tout passe, l'eau coule, et le
coeur oublie¹.*

Флобер

¹ Все уходит, все проходит, реки продолжают течь, а сердце забывает (фр.). — *Примеч. ред.*

ВЕСНЫ ИЗВЕЧНЫЕ НАДЕЖДЫ

Рита Хэйворт и побег из Шоушенка

Рассу и Флоренс Дорр

Такие, как я, есть, наверно, в каждой местной или федеральной тюрьме Америки: все достану, только попросите. Обычные сигареты или, если пожелаете, с травкой, бутылку бренди, чтобы вместе со своим отпрыском — мысленно — отпраздновать окончание школы, — словом, все, что вашей душе угодно... в пределах разумного. Но, как вы понимаете, приходится попотеть.

Я попал в это заведение двадцатилетним и, в отличие от большинства членов нашей небольшой, но дружной семьи, честно хочу отсидеть за содеянное. На моей совести убийство. Я застраховал на приличную сумму свою жену, после чего заклинил тормоза «шевроле», подаренного нам на свадьбу ее отцом. Все произошло так, как я рассчитал... вот только по дороге она подобрала соседку с ребенком, направлявшихся в город. Разогнавшись на склоне Замоквого холма, машина не смогла остановиться и протаранила кусты перед ратушной площадью. Очевидцы показали, что на скорости пятьдесят миль в час, если не больше, машина врезалась в цоколь памятника жертвам Гражданской войны и загорелась.

Я также не рассчитывал, что меня вычислят, но меня вычислили. Я получил бессрочную прописку в этом заведении — тюрьме Шоушенк. В штате Мэн нет смертной казни, но окружной прокурор сумел навесить на меня три убийства, и суд приговорил меня к трем пожизненным заключениям.

Что перечеркнуло всякую надежду на досрочное освобождение, хотя бы через много лет. Судья назвал то, что я совершил, «чудовищным, омерзительным злодеянием», и он был прав, но правда и то, что это дело прошлое.

Вы можете найти отчет о нем в пожелтевшей подшивке касл-рокского «Вестника», где крупно набранные заголовки о моем приговоре выглядят несколько устаревшими и несерьезными рядом с сообщениями о Гитлере и Муссолини или о раздаче благотворительных обедов рузвельтовским комитетом.

Вы спрашиваете, исправился ли я? Я не очень понимаю, что значит это слово, во всяком случае, применительно к тюрьме или колонии. По-моему, это слово из лексикона политиков. Возможно, оно имеет какой-то другой смысл, и я его когда-нибудь постигну, но это уже дело будущего, а о нем заключенный приучает себя не думать. Я был молод и хорош собой, и детство мое прошло в квартале бедноты. Я обрюхатил смазливую, взбалмошную, на редкость упрямую девицу, жившую в одном из старых особняков на Карбайн-стрит. Ее отец согласился на наш брак при условии, что я поступлю на службу в его фирму по изготовлению оптики и «проделаю весь путь наверх». Я очень быстро понял: ему просто надо было взять меня на короткий поводок — как своевольного, почти приبلудного пса, способного укусить в любую минуту. Со временем ненависть разрослась во мне до таких размеров, что толкнула на известный поступок. Повторись все сначала, я бы ничего такого не совершил, но, пожалуй, из этого еще не следует, что я исправился.

Так или иначе, речь здесь не обо мне, а о парне по имени Энди Дюфрен. Но, прежде чем рассказать про Энди, я должен объяснить вам кое-что про себя. Это не займет много времени.

Как я уже сказал, я тот, кто в этой тюрьме может все достать, а отрубил я здесь без малого сорок лет. Речь не только о контрабанде сверхлимитных сигарет или выпивки, хотя в моем списке они всегда стоят на первом месте. Но я доставал для заключенных еще много чего, в том числе вполне законные вещи, которые, однако, не так-то просто раздобыть — ведь смысл пребывания в подобном месте состоит

как раз в том, чтобы пресекать все желания. Один парень угодил сюда за изнасилование малолетки и эксгибиционизм; я достал для него три куса розоватого вермонтского мрамора, из которого он сделал замечательные статуэтки — младенца, мальчика лет двенадцати и бородатого молодого человека. Он назвал их «Три возраста Иисуса», и сейчас эти статуэтки украшают гостиную бывшего губернатора штата.

Если вы выросли в краях севернее Массачусетса, вы можете припомнить имя Роберт Алан Коут. В 1951 году он попытался ограбить Первый торговый банк в Микеник-Фоллзе, и кровавая перестрелка закончилась шестью трупами — два члена банды, три заложника и дурачок полицейский, не вовремя высунувший нос и получивший пулю в глаз. Так вот, у Коута была коллекция монет. Естественно, о том, чтобы взять ее с собой в тюрьму, речь как-то не заходила, однако, при содействии его матери и парня, увозившего белье из тюремной прачечной, я все устроил. Бобби, сказал я Коуту, надо быть психом, чтобы хранить коллекцию монет в нашем железобетонном отеле, где в каждом втором номере живет вор. Он улыбнулся: «Я знаю, где ее припрятать. Не беспокойся, все будет в порядке». И он оказался прав. Бобби Коут умер от опухоли мозга в шестьдесят седьмом, но его коллекцию монет так и не нашли.

Я доставал «мужской» шоколад на День святого Валентина; я добыл одному чудиле по имени О'Мэлли три молочных коктейля, зеленые такие, их продают в «Макдоналдсе» на День святого Патрика; я даже устроил ночной просмотр «Глубокой глотки» и «Дьявола в мисс Джонс», для чего пришлось скинуться двадцати экам... в результате этой авантюры я отсидел неделю в карцере. Тот, кто может все достать, должен быть готов к неприятностям.

Я доставал справочники и порнуху, всякие штучки вроде жужжалки или порошка, вызывающего чесотку, не один и не два раза я доставал для тех, кто отбывает большие сроки, трусики жены или любимой девушки... я думаю, вам не надо объяснять, что с ними делают в тюрьме, когда ночь кажется длинной, как лезвие финки. Конечно, все, что я достаю, стоит денег, и порой немалых, но я делаю это не только из-за денег. Солить мне их, что ли? Все равно мне не купить

«кадиллак» и не слетать на две недельки в феврале на Ямайку. Я это делаю по той же причине, по какой хороший мясник продает вам свежее мясо: надо дорожить своей репутацией. Есть две вещи, которыми я не занимаюсь, — оружие и сильные наркотики. Если кто-то хочет убить себя или другого, то я в этом не участвую. Дай бог мне отсидеть за то убийство.

В общем, можете считать меня торговцем средней руки. И когда в сорок девятом Энди Дюфрен подошел ко мне и спросил, могу ли я раздобыть для него фотоплакат киноактрисы Риты Хэйворт, я ему ответил: нет проблем. Проблем действительно не было.

Когда Энди попал в Шоушенк в сорок восьмом году, ему было тридцать. Маленький, худенький, светлые волосы, изящные, холеные руки. Очки в золотой оправе. Ногти всегда чистые, ухоженные. Забавно — вспоминая мужчину, говорить о том, какие у него ногти, но в этом для меня весь Энди. Ему только галстука не хватало. На воле он был вице-президентом крупного портлендского банка и отвечал за кредитные операции. Совсем неплохо для человека его возраста, особенно если принять во внимание консервативность наших банков, да притом еще в Новой Англии, где люди доверяют тебе свои денежки, только если ты лысый, хромой и не забываешь поддергивать брюки на коленях, чтобы не помялась стрелка. Энди сел за убийство жены и ее любовника.

В тюрьме — я, кажется, уже говорил — все сидят «ни за что». Эту песенку здесь повторяют так же вдохновенно, как наши святоши-телепроповедники — Апокалипсис. Все — жертвы судей, у которых сердце из камня (и яйца заодно), или безграмотных адвокатов, или полицейской провокации, или фатального невезения. Язык повторяет эту песенку, но по лицу-то все видно. В большинстве своем тюремная публика — народ тертый, и себе и другим враги, и если уж говорить о невезении, то оно в том, что у их мамаш не случилось выкидышей.

За все годы моего пребывания в этой клетке не наберется и десяти пташек, в чью невиновность я готов был поверить. Энди Дюфрен — один из них, но и ему, кстати, я поверил далеко не сразу. Будь я одним из присяжных, которые слушали его дело в течение бурных шести недель сорок седьмо-

го — сорок восьмого в Верховном суде в Портленде, я бы тоже признал его виновным.

Дельце было то еще — из серии пикантных, со всем, что полагается. Юная красавица со связями (убита), местная спортивная знаменитость (убит) и молодой преуспевающий бизнесмен — полный комплект. Плюс всякая «клубничка», тут уж газеты расстарались. Для обвинения это было простое дело. Суд потому так затянулся, что окружной прокурор собирался баллотироваться в палату представителей и давал возможность «широким слоям населения» получше рассмотреть свою физиономию. Это было первоклассное шоу, и, чтобы попасть на него, зрители занимали очередь с четырех утра, несмотря на ударившие заморозки.

Факты, которые изложил прокурор и которые Энди не думал оспаривать, таковы: он был женат, жену его звали Линда Коллинз Дюфрен; в июне 1947 года она выразила желание заняться гольфом в местном клубе «Фалмут-Хиллз»; в течение четырех месяцев она там брала уроки; ее инструктором был спортсмен-профессионал Гленн Квентин; в конце августа Энди узнал, что у его жены с Квентином роман; 10 сентября, днем, между Энди и Линдой Дюфрен произошло бурное объяснение, поводом для которого послужила супружеская измена.

Согласно показаниям Энди Линда обрадовалась тому, что он в курсе ее романа; действовать за его спиной, заявила она, кажется ей унижительным. Она сказала, что ее адвокат обещает устроить развод «по-быстрому». Энди заметил, что прежде, чем адвокат устроит ей развод, он, Энди, устроит ей кое-что похлеще. Она уехала к Квентину, чтобы провести ночь в бунгало, которое тот снимал неподалеку от площадки для гольфа. Наутро женщина, приходившая убирать, нашла их в постели мертвыми. В обоих было всажено по четыре пули.

Этот последний факт восстановил всех против Энди больше, чем что-либо другое. Прокурор с его политическими амбициями сделал на этом упор в своем вступительном слове и в заключительной речи. Энди Дюфрена, сказал он, нельзя рассматривать как пострадавшего мужа, в пылу гнева бросившегося отомстить жене-изменнице, что, по словам

прокурора, можно было бы если не простить, то, по крайней мере, понять. Нет, тут был холодный расчет. «Вдумайтесь! — обрушивался обвинитель на присяжных. — По четыре пули! Не шесть пуль, а восемь! *Расстреляв всю обойму, он перезарядил пистолет и всадил в своих жертв еще по одному патрону!*» ПО ЧЕТЫРЕ ПУЛИ НА КАЖДОГО! — кричал заголовок со страниц портлендской «Сан». А бостонский «Реджистер» окрестил его Убийцей Дважды Два.

Служащий ломбарда в Льюистоне показал, что продал Энди Дюфрену шестизарядный револьвер 38-го калибра за два дня до двойного убийства. Бармен показал, что Энди появился в баре в семь часов вечера 10 сентября и за двадцать минут хватанул три стакана неразбавленного виски; встав из-за стойки, он сказал бармену, что идет сейчас к Гленну Квентину, а «об остальном тот завтра узнает из газет». Другой служащий, из магазина «Мелочи жизни», что примерно в миле от бунгало Квентина, сообщил суду, что в тот вечер Дюфрен вошел к ним в магазин где-то без четверти девять. Он купил сигарет, три бутылки пива и несколько кухонных полотенец. Судебно-медицинский эксперт показал, что Квентин и мадам Дюфрен были убиты между 23:00 и 2:00 в ночь с десятого на одиннадцатое. Детектив, выделенный генеральным прокурором для ведения расследования, показал, что ярдах в семидесяти от бунгало есть мусорная свалка и что днем 11 сентября на свалке были найдены три вещественных доказательства: первое — две пустые бутылки из-под пива «Наррагансетт» (с отпечатками пальцев обвиняемого); второе — двенадцать окурков (сигареты «Кул», которые курил обвиняемый); третье — застывшие в гипсе отпечатки автомобильных покрышек (точная копия покрышек «плимута» модели сорок седьмого года, принадлежавшего обвиняемому).

В жилой комнате Квентина на диване были найдены четыре кухонных полотенца. С пулевыми отверстиями, со следами сгоревшего пороха. Детектив доказывал (невзирая на энергичные протесты адвоката Энди), что убийца обернул дуло пистолета полотенцем, чтобы заглушить звуки выстрела.

Энди Дюфрен, защищаясь, изложил события спокойно, хладнокровно, без эмоций. Первые тревожные слухи о том,

что у его жены роман с Гленном Квентином, сказал он, стали доходить до него еще в конце июля. К концу августа ситуация потребовала проведения маленького расследования. В тот вечер, когда Линда должна была якобы отправиться за покупками в Портленд после занятий гольфом, Энди убедился в том, что она и Квентин поехали в его домик («любственное гнездышко», как ожидаемо окрестили его газеты). Энди припарковался возле свалки и находился там около трех часов, до момента, когда Квентин повез Линду обратно в гольф-клуб, где стояла ее машина.

— Вы хотите сказать суду, что последовали за вашей женой в вашем новеньком «плимуте»? — спросил его окружной прокурор на перекрестном допросе.

— Я обменялся на вечер машинами с приятелем, — ответил Энди, и его невозмутимое признание, свидетельствовавшее о том, что он все заранее обдумал, произвело не самое благоприятное впечатление на присяжных.

Вернув машину другу и пересев в свою, он поехал домой. Линда читала книгу в постели. Он спросил ее, как Портленд. Она ответила, что все нормально, но купить ей там ничего не захотелось.

— В эту минуту последние мои сомнения развеялись, — обратился Энди в зал, где его слушали, затаив дыхание. Он произнес это тем же спокойным отсутствующим тоном, как и остальные свои показания.

— В каком вы были состоянии семнадцать дней, прошедших с того вечера и до момента, когда ваша жена была найдена убитой? — спросил у Энди защитник.

— Я был сильно расстроен, — ответил Энди ровно, бесстрастно. Как человек, перечисляющий сделанные покупки, сообщил он о том, что подумывал о самоубийстве, а 8 сентября взял и купил пистолет в Льюистоне.

Защитник попросил его рассказать присяжным о том, что произошло в ночь двойного убийства, в ночь, которую его жена провела с Гленном Квентином. Энди рассказал... лучше бы он этого не делал.

Я знал его почти тридцать лет и должен вам сказать, что такого самообладания я ни в ком — ни до, ни после — не встречал. Его достоинством было то, что он никогда не бол-

тал лишнего. Недостатком — что он все в себе подавлял. Как пишут в романах, оставалось только гадать, что творилось у него в душе. Он был из тех, кто, готовясь покончить с собой, не оставляет предсмертной записки, однако приводит в порядок свои дела. Если бы он, давая показания, разрыдался или хоть раз потерял голос или остановился в замешательстве, даже если б наорал на этого окружного прокурора, рвавшегося в Вашингтон, — вряд ли бы он заработал пожизненное. А если бы заработал, лет через восемь выпустили бы под залог. Но он излагал свою версию точно машина, как бы желая внушить присяжным: вот как все было, хотите верьте, хотите нет. Ему не поверили.

Он сказал, что был пьян в ту ночь, что, начиная примерно с 24 августа, он вообще не просыхал и что когда выпьет, он сам не свой. Никакой состав присяжных это не проглотил бы. Могли ли они поверить, что этот невозмутимый, прекрасно владеющий собой молодой человек в двубортном пиджаке с иголки, в жилетке и твидовых брюках мог всерьез напиться из-за глупой интрижки жены с заштатным тренером по гольфу? Я ему поверил, потому что, в отличие от шестерки мужчин и шестерки женщин, которые его судили, я видел Энди в «деле».

В тюрьме Энди Дюфрен позволял себе выпить четыре раза в год. Он подходил ко мне во дворе — за неделю до своего дня рождения, а также недели за две до Рождества — и заказывал бутылку «Джек Дэниэлс». Платил он, как все заключенные, добавляя к жалким грошам, заработанным в тюрьме, кое-что из сбережений. До шестьдесят пятого нам платили десять центов в час, в шестьдесят пятом плату повысили до четвертака. Мои комиссионные за спиртное были и остаются десять процентов; добавьте к ним стоимость бутылки хорошего виски и прикиньте, сколько часов нужно было Энди Дюфрену потеть в тюремной прачечной, чтобы выпить четыре раза в год.

Двадцатого сентября, в день своего рождения, он опрокидывал стопку с утра и еще одну после отбоя. На следующий день он возвращал мне остаток, с тем чтобы я пустил бутылку по кругу. Вторую бутылку он открывал тоже дважды, на Рождество и в сочельник. После чего я опять-таки пускал ее

по рукам. Четыре стопки в год — и это все, что позволял себе человек, который когда-то пил по-черному. Железная воля.

Ночь с десятого на одиннадцатое, по его признанию, он был настолько пьян, что в памяти у него сохранились лишь отдельные обрывки. Прежде чем начать разбираться с Линдой, он здорово набрался еще днем, дабы, как он выразился, хватило отваги на двоих.

Когда его жена уехала к Квентину, он вдруг вспомнил о своем решении разоблачить их. По дороге в бунгало он притормозил возле загородного клуба и на скорую руку пропустил еще пару стаканчиков. Своих слов бармену, что «об остальном тот узнает завтра из газет», он не помнил — вообще не помнил, чтобы он вступал с ним в разговор. Да, он зашел в «Мелочи жизни» и купил там пиво, но кухонные полотенца?..

— Что бы я делал с кухонными полотенцами? — спросил он в суде, и, согласно одной газете, три заседательницы пожились.

Позже, гораздо позже он поделился со мной своими соображениями по поводу этих полотенец, о которых заговорил бармен, и мне кажется, есть смысл привести здесь его суждения.

— Вот тебе картина, — сказал он мне однажды в тюремном дворе. — Они ищут свидетелей и наталкиваются на бармена, который продал мне пиво в ту ночь. Прошло уже трое суток. В газетах появились разные подробности. Представляю себе, как на этого парня наваливается целая команда: пять или шесть полицейских плюс спец от генерального прокурора плюс помощник окружного прокурора. Память, Ред, вещь субъективная. Они могли спросить: не купил ли он случайно четыре-пять кухонных полотенец? — а дальше одно цепляется за другое. Когда на тебя нажимают сразу с нескольких сторон, не так-то просто устоять.

Я согласился.

— Или даже так, — продолжал Энди в своей рассудительной манере. — Я допускаю, что он себя уговорил. Вспышки блицев. Репортеры. Его фотография в газетах... И гвоздь программы: его показания в суде. Я не хочу сказать, что он умышленно искажил факты или дал заведомо ложные пока-